

Лето на севере короткое. С наступлением августа жара стала менее удушающей, а по утрам и вечерам уже требовалось набросить легкий халат поверх тонкой одежды. Лишь в полдень зной все еще заставлял потеть.

Работа в поле больше не требовала ежедневного присутствия — достаточно наведываться раз в несколько дней, и кузница снова открылась. До сбора урожая было еще далеко, дел в поле оставалось немного, поэтому, если было нужно, Цю Хэнянь сам вставал рано утром, шел работать, а затем возвращался домой, где Цин Янь как раз успевал приготовить завтрак. Они ели вместе, и Цю Хэнянь отправлялся в кузницу.

Когда Цю Хэнянь уходил, Цин Янь брал маленькую корзинку и вместе с У Цюнянь отправлялся в горы за побегами папоротника. В начале августа папоротник все еще молодой и нежный. Его приваривают в кипятке, а потом заправляют соусом из острого масла и чеснока — вкус необычный, не похожий на обычную дикую зелень, и очень аппетитный.

Это растение стоит недешево. Собрав достаточно для собственного стола, остальное Цин Янь продавал, что приносило приятный небольшой доход.

Но в этот день их ожидал настоящий сюрприз: в тени леса они наткнулись на целую поляну, покрытую кустами, усыпанными ярко-красными, сочными плодами гаоляна.

Каждая ягодка была маленькой, но сияла свежестью и спелостью. Попробовав одну, они обнаружили, что ее кисло-сладкий вкус, мягкость и насыщенность даже превосходят клубнику, выращенную дома. После того как сок высыхал на пальцах, их еще долго преследовал аромат этих ягод.

Они насобирали столько, сколько могли унести, лишь сетуя на то, что корзины были слишком малы.

Вернувшись домой, Цин Янь выложил плоды в корзину, повесил ее на веревке для белья и начал промывать ягоды, выливая на них черпак за черпаком воды.

Он взял большую горсть ягод, положил в миску, добавил сахар и начал их мять, пока сахар равномерно не смешался с фруктовой мякотью. Затем выложил смесь в большую чашу и поместил ее в холодную колодезную воду, чтобы охладить.

Когда вечером вернулся Цю Хэнянь, он застал своего юного супруга, который с видимым удовольствием ел по одной ягодке за раз. Увидев его, Цин Янь поднял глаза, которые засияли радостью. Лицо его снова стало светлым и нежным, а на губах остались следы алого сока ягод, делая его еще красивее.

Цю Хэнянь не мог отвести глаз от этого зрелища. В голове он невольно начал считать:

«Раз... два...» — но не успел дойти до трех, как Цин Янь уже поднялся, мягко и послушно прижался к его груди, уютно уткнувшись в его шею, а затем протянул руку, чтобы вложить ягоду ему в рот.

Цю Хэнянь раскрыл рот, съел ягоду, затем обнял тонкую талию своего маленького супруга и нежно поцеловал его в кончик пальца, который тот еще не успел убрать. После этого он мягко коснулся его губ, еще покрытых ягодным соком.

Цин Янь надул губы и, немного капризничая, сказал:

— Хочу еще.

Цю Хэнянь лишь усмехнулся, наклонил голову и крепко поцеловал его.

Когда поцелуй закончился, Цин Янь выглядел так, словно впитал в себя солнечную энергию, как лисичка-оборотень: он облизал губы и, довольный, отступил из его объятий.

Цю Хэнянь быстро ополоснулся, передел верхнюю одежду, и вместе с Цин Янем они выложили блюда из котелка, расселись за стол и, вполголоса болтая, начали ужин.

Цин Янь рассказывал, что сегодня на склоне горы было много ягод, и они с У Цюнянь запомнили это место, собираясь вернуться через пару дней. Он упомянул, что отдал большую чашу ягод тете Ли, которую застал дома за приготовлением свежесобранных бутонов цветов. Она была в приподнятом настроении. По ее виду было понятно, что сестра Лань пока ничего ей не рассказала о той «новости».

Разговор шел, как будто каждый из них делился отчетом о прошедшем дне. Цю Хэнянь рассказал, какие сегодня изделия он ковал, сколько денег удалось выручить, а еще о том, что младшие брат и сестра Сяо Чжуана заходили в кузницу, принеся с собой маринованные овощи, которые приготовила их мать.

Темы обсуждений были повседневными и не слишком важными, но обоим это доставляло удовольствие. Цин Янь смеялся и оживленно рассказывал, а уголки губ Цю Хэняня то и дело поднимались в теплой улыбке.

После ужина Цин Янь достал охлажденные ягоды, пропитанные сахарным сиропом. Они ели их по ложке, наслаждаясь холодным, сладко-кислым вкусом, который оказался даже лучше, чем популярные на рынке замороженные лакомства.

Через два дня к ним в дом поспешно зашла жена Лю Фа. Даже не присев, она сразу же попросила одолжить пять цзиней белой муки, сказав, что завтра купит новую и вернет долг.

Цин Янь удивленно спросил:

— Что за срочное дело у тебя?

Женщина горько усмехнулась:

— Все те же родственники, про которых я вам рассказывала!

Караван, которого ожидали через месяц, еще не вернулся. А те самые «родственники», которые, по словам семьи Лю, должны были прибыть лишь через два месяца, появились внезапно.

Как объяснила жена Лю Фа, по письмам они заранее договорились о дате, но эти родственники решили отправиться раньше срока, никого не предупредив. Их внезапный приезд застал семью Лю врасплох — никто не успел подготовиться.

— Раз уж приехали, нужно как-то устраивать. Приготовить полноценный обед времени нет, поэтому решили настряпать пельменей с начинкой из свинины и зеленого лука. Народу много — налепим быстро, — сказала жена Лю Фа, уже направляясь к выходу. Поворачиваясь на ходу, она добавила, — Все, провожать не надо, иди домой, мне работать пора. А где эта толпа спать будет — еще не решили. Эх...

Цин Янь знал, что Лю Фа обратился к деревенскому старосте и договорился использовать пустующий старый дом. Дом хоть и обветшал, но все еще крепкий. Лю Фа нашел людей, чтобы немного его подлатать, но, как оказалось, их родственники прибыли раньше, чем ремонт был завершен.

Семья Лю и так была занята: работа в мастерской тофу, да еще и невестка с большим животом, ожидающий ребенка, а тут еще заботы о дальних родственниках, которые приехали издалека. Жить им явно было непросто.

Вечером Цин Янь рассказал об этом Цю Хэняню, упомянув, что на следующий день собирается навестить их с гостинцами.

— Похоже, эти родственники не из тех, с кем легко иметь дело, — задумчиво сказал Цю Хэнянь. — Навести, но близко не сходишь.

Цин Янь кивнул.

— Хорошо.

На следующий день он взял корзину с ягодами, которые собрал сам, и отправился в дом Лю.

Войдя во двор, он на мгновение замер. Там стояла большая тележка, нагруженная вещами, которые еще не успели разгрузить. На земле также было разбросано много разного.

Во дворе сидел Ци Инлань. Увидев Цин Яня, он поднялся, придерживая рукой округлившийся живот, взял его за руку и радостно воскликнул:

— Брат Цин Янь, ты пришел! Проходи скорее в дом.

Цин Янь улыбнулся:

— Я принес вам корзину ягод, чтобы вы могли попробовать.

Ци Инлань с удовольствием принял корзину.

— Как раз хотелось такого! У тебя ягоды всегда такие свежие и сочные!

Когда они зашли в дом, Цин Янь понял, почему Инлань сидел во дворе: внутри было полно вещей, бестолково сваленных в узлы и оставленных как попало.

Жена Лю Фа, увидев Цин Яня, поспешила пригласить его сесть.

Они обменялись несколькими фразами, когда из соседней комнаты вышли двое братьев, очень похожих друг на друга. Старший, высокий и крепкий, был Лю Юн, а младший, более изящный, оказался гером по имени Лю Сян.

Увидев корзину с ягодами, Лю Сян с восторгом взглянул на Цин Яня и радостно спросил:

— Красивый брат, это вы мне принесли ягоды?

Цин Янь на мгновение застыл, бросив взгляд на жену Лю Фа, которая выглядела немного смущенной, и сдержанно улыбнулся:

— Все вместе поедим.

Лю Сян радостно сказал:

— Тогда я с братом помою ягоды, а потом принесем их сюда, чтобы всем хватило.

Сказав это, он вместе с братом, который все еще смущенно смотрел на Цин Яня, взял корзину и вышел во двор, где они начали мыть ягоды.

Цин Янь, понизив голос, спросил жену Лю Фа:

— Где они ночевали прошлой ночью?

Женщина тяжело вздохнула:

— Хотели поселиться в комнате Инланя с его мужем, но я не позволила. Мы с Лю Фа перенесли постель в комнату при мастерской и устроились там, а им уступили свою комнату.

Через некоторое время братья вернулись с вымытыми ягодами. Лю Сян поставил корзину на край кана, снял обувь, уселся на кан по-турецки и стал есть ягоды одну за другой, приглашая брата присоединиться. Жена Лю Фа с явным неодобрением смотрела на них, а Ци Инлань лишь поджал губы с недовольным видом.

В этот момент в дом вошла пара среднего возраста, которым было на вид около сорока лет. Это оказались родители близнецов — мужчина по имени Лю Юфу и женщина по имени Чжан Цзюй. Они зашли с вежливыми словами и немного побеседовали с Цин Янем, прежде чем уйти в свою комнату.

Цин Янь понял, что пора собираться. Он встал и попрощался. На выходе он бросил взгляд на братьев. Корзина с ягодами была уже наполовину опустошена, а то, что осталось, оказалось переспелым и уже не таким свежим.

Когда он выходил, услышал, как Лю Сян сказал Ци Инланю:

— Невестка, ешь скорее, я специально оставил тебе лучшие ягоды!

Вернувшись домой, Цин Янь заметил дочку Цинь Лань, которая сидела во дворе на корточках и лепила что-то из грязи. В доме напротив не закрытая дверь пропускала приглушенные звуки плача и тихие слова утешения.

Плакала тетя Ли. Ее рыдания были не громкими, а глухими, будто сдавленными, но даже такой плач наполнял сердце тяжестью. Было понятно, что Цинь Лань наконец рассказала матери правду.

Цин Янь немного постоял, раздумывая, но все же решил не вмешиваться. Пусть Цинь Лань и ее мать поговорят наедине, как семья.

На следующий день Цин Янь решил заглянуть в кузницу. История о маринованных овощах, которые семья Сяо Чжуана принесла в подарок, напомнила ему, что было бы неплохо приготовить что-то вкусное для мастера и ученика кузницы.

Когда он пришел, Цю Хэнянь был в отъезде, закупал материалы, а время уже близилось к полудню. Цин Янь достал из продуктовой корзины тарелку пельменей и подал их Сяо Чжуану, чтобы тот поел, пока они еще горячие.

Пельмени были с начинкой из свинины и зеленого лука, внутри каждого спрятан креветочный хвостик. Аромат стоял удивительный — сочный и аппетитный. Сяо Чжуан ел с таким удовольствием, что аж глаза жмурил, а лицо было все в блестящих следах масла.

Одной тарелки ему оказалось мало, поэтому Цин Янь добавил еще полтарелки, только тогда мальчик наелся.

После еды Сяо Чжуан не забыл помыть пустую тарелку и вернуть ее Цин Яню.

Когда все было закончено, они сели у входа в кузницу и разговорились.

— Вчера к нам приходила странная пара, — начал Сяо Чжуан. — Мужчина и женщина. Они даже не просили ничего выковать, просто стояли у входа и как будто случайно пристально смотрели на учителя. Долго так смотрели, потом покачали головой и ушли.

Он помолчал немного, а потом добавил:

— Но вечером, когда мы уже собирались закрываться, они вернулись. Мужчина потащил меня в сторону и начал спрашивать про ту историю, когда у вас дома побывали воры.

Цин Янь удивился и настороженно посмотрел на мальчика.

— Зачем им это? — спросил он.

Сяо Чжуан почесал затылок.

— Понятия не имею. Сначала я подумал, что это просто любопытные люди, но они словно вообще не интересовались самим происшествием, а только спрашивали про то, сколько денег учитель принес из уезда после этой истории.

Цин Янь нахмурился.

— И что ты им ответил?

— Да я ничего не знаю про это! — с жаром начал Сяо Чжуан. — Так им и сказал. А они начали гадать: то спрашивали, не было ли там всего двух-трех гуаней медных монет, то качали головами и говорили, что за такую сумму точно головы бы не рубили. Потом начали

спрашивать, не сто ли это лян. Я от них замучился и просто сказал, что да, пусть будет сто лян. Тогда они и ушли.

Цин Янь забеспокоился. После того как однажды деньги уже пропали из дома, он стал очень чувствителен к таким вещам. Теперь он подозревал, что кто-то снова нацелился на их семью.

— Как они выглядели? Расскажи мне, — быстро спросил он.

Сяо Чжуан задумался, а потом подробно описал тех двоих.

Цин Янь внимательно выслушал, и описание показалось ему смутно знакомым. Через несколько мгновений он понял, что мужчина и женщина, о которых говорил Сяо Чжуан, очень похожи на тех самых родственников, что недавно приехали к Лю. Это была та самая пара среднего возраста.

Цин Янь прикусил губу, раздумывая. Ему было непонятно, с какой целью эти двое интересовались делами его семьи. Если верить словам Сяо Чжуана, они пришли в кузницу уже после его визита к дому Лю. Видимо, они узнали о случае с кражей либо от семьи Лю, либо от кого-то из деревенских и решили разузнать подробности.

Однако ситуация выглядела странно. Кто пойдет расспрашивать пострадавших прямо о таком деле, оставив свои собственные дела недоделанными? Все это казалось подозрительным.

Пока он размышлял, со стороны улицы донесся шум — это вернулся Цю Хэнянь, толкая перед собой тяжелую тележку, доверху нагруженную чугунными заготовками.

Цин Янь тут же поднялся, взял платок и поспешил к нему, чтобы вытереть пот с его лба.

Цю Хэнянь выглядел усталым, но, увидев Цин Яня, не изменился в выражении лица, хотя в его глазах промелькнула теплая радость.

Сяо Чжуан кинулся помогать разгружать тележку, а Цин Янь вернулся в кузницу, чтобы разогреть пельмени в железной кастрюле, стоящей на печи.

Когда работа была закончена, Цю Хэнянь вымыл руки и сел за стол, чтобы поесть. Сяо Чжуан, полный усердия, налил своему учителю чашу крепкого алкоголя.

Цю Хэнянь редко пил, разве что иногда, в компании Лю Фа или других соседей, но в кузнице позволял себе немного горячительного после тяжелой работы, чтобы снять усталость.

Цин Янь с любопытством поднес к губам чашу и сделал осторожный глоток. Жгучая жидкость огнем обожгла его рот, глотку и спустилась в желудок, словно это было настоящее пламя. Он

закашлялся и, задыхаясь, протянул чашу назад.

Цю Хэнянь поспешил подать ему кружку с водой. Цин Янь сделал несколько больших глотков, и вдруг на его глазах выступили слезы.

Не раздумывая, он поднялся, обошел низкий стол и привычно устроился на коленях у Цю Хэняня. Лишь сев, понял, что они не дома, и, смутившись, хотел встать.

Однако Цю Хэнянь обнял его крепче, не давая подняться.

— Тут же люди... — пробормотал Цин Янь, прикрывая лицо ладонями.

Цю Хэнянь мягко качнул его, успокаивая, и тихо сказал ему на ухо:

— Никого. Сяо Чжуан молодец, он давно вышел.

<http://bllate.org/book/13590/1205209>